Что бы он подумает? Запаникует ли он? Оглянется ли он вокруг, гадая, кто знает его секрет? А потом он прочитает следующие слова. Улыбнется ли он, поняв, что его шантажистка — горячая, возбужденная женщина, жаждущая насладиться хуём проповедника? Его хер должен набухнуть в его штанах. Будет ли он зудеть, как моя киска? Будет ли он покалывать и умолять о грехе?

Почему Бог дал нам тела, которые так сильно жаждали грешить, если у него были проблемы с определением секса, как греха?

Как долго он будет обсуждать мою записку? Сколько времени пройдет, прежде чем он начнет "расследование"? Будет ли он ждать, обдумывая свой ответ, пока будут идти минуты? Или похоть захлестнет его и погонит в раздевалку. Это было всего в нескольких дверях от его дома.

Церковь была пуста. Мы были здесь единственными людьми. Никто бы не узнал.

Я прикусила губу, правой рукой сжимая свою большую грудь. Нашла свой сосок, такой твердый и ноющий. "Почистила" его и застонал. По моему телу пробежали мурашки. Возбужденная дрожь пробежала по мне. Мне нужно было, чтобы отец пришел и нашел меня. Мне нужен был его твердый хуй, чтобы лишить меня девственности.

Это было таким табу. Так неправильно. Я не могла перестать думать о нем с тех пор, как увидела его хуй. Мой отец был таким сексуальным. Таким красивым.

Я издала стон разочарования. Сколько времени ему потребуется, чтобы найти мою записку? Сколько времени ему потребуется, чтобы войти в темную комнату и трахнуть неизвестную женщину? Это было бы такой порочной тайной — трахаться с моим отцом, даже если он не знает, кто я такая.

Мои пальцы поползли немного ниже, приближаясь к моей киске. Моему клитору было так трудно сопротивляться. Он умолял, чтобы его трогали, гладили и теребили. Я прикусила губу и сильно ущипнула себя за сосок. Откинулась назад, моя голова коснулась стены.

— Давай, отец, — простонала я. — Мне так нужно…

Открылась и закрылась дверь.

Я напряглась. По коридору послышались шаги. Ковер был тонким и лежал прямо на бетонном полу. Шаги отдавались эхом, становясь все ближе и ближе. Мое сердце разразилось бешеной деятельностью, барабаня греховный ритм рок-н-ролла. Тень заслонила дверь. Ручка повернулась.

Это был он.

Дверь открылась. Луч света прорезал комнату по диагонали, пролился в противоположный от меня угол, держа меня в тени, как я и планировала. Я увидела силуэт своего отца, он был все еще в своей черной рубашке и брюках, свет ореолом окутывал его темные волосы.

— Не включай свет, — промурлыкала я глубоким, страстным тоном, который, как я надеялась, не даст узнать мой голос. — И закрой за собой дверь.

— Кто это? — спросил он, входя в комнату, его голос был таким глубоким и сильным. Он закрыл за собой дверь.

— Твоя поклонница, — промурлыкала я. — Мне понравилось шоу, которое вы с Донной устроили. Она испытала настоящий оргазм. Ты как раз тот человек, которого я искала.

— Еще одна грешная блудница, — сказал он, двигаясь вперед в темноте.

В свете, льющемся из-под дверей, я могла видеть только его начищенные до блеска черные туфли.

— Ты не услышала ни слова из моей проповеди.

— О, я слушала, — простонала я, широко расставив ноги.

Мои глаза привыкли ко тьме, очертания его фигуры появились из темноты. Руки задвигались. Зашуршала ткань.

— Я просто не очень хорошо умею укрощать свою плоть.

— Твоя греховная дыра управляет тобой, — прорычал он, расстегивая рубашку.

— О, да, — простонала я, борясь с желанием сказать "отец". — Проповедник. Я просто шлюха. Я хочу покормить свою похотливую дырочку.

— На протяжении всей моей проповеди ты наблюдала за мной, фантазируя о грехе, который ты хотела совершить. И эта дыра становилась все горячее и влажнее, когда ты вертелась на скамье. Ты намочила свои трусики?

Его рубашка соскользнула с плеч, затем зашуршал ремень.

— Как будто они были губкой, опущенной в воду, — простонала я. — Я сижу в луже своих соков.

— Я чувствую твой блудливый запах.

То, как его голос прогрохотал из темноты, заставило меня содрогнуться. Его голос был таким глубоким, таким сильным. Я слышала презрение в его голосе. Он думал, что я шлюха, бродяжка, на которую можно смотреть свысока. Какая-то грязь.

И я была ей. Мне от этого было так жарко. Я не понимала почему, но моя киска отреагировала на его презрение. Я снова ущипнула себя за сосок и промурлыкала:

— Да, да, раздевайся. Я более чем готова к тому, чтобы меня выебали. Чтобы потерять свою девственность.

Он сделал паузу.

— Твою девственность…? Так ты одна из юных ссыкух? Устала от этих сердцеедов, которые игнорируют тебя, ты пялишься на их плакаты на твоей стене, мечтая, чтобы они были в твоей постели и трахали тебя. Ты, наконец-то, готова к тому, что настоящий мужчина заявит на тебя свои права.

— Более чем готова.

— Ты кто-то из подруг моей дочери?

Я издала злобный смешок.

— Это мой секрет.

— Вы все шлюхи, — прорычал он, снимая брюки, а вместе с ними и туфли.

Он был полностью голый. Я могла только разглядеть толстый ствол его хуя, торчащий перед ним,

— Даже Александра? — спросила я, произнося свое имя, гадая, каким будет его ответ.

— Даже она.

Его руки схватили меня за бедра и притянули к краю стола. Я ахнула.

— Я видел ее горящие глаза. Ее мать говорила с ней, но она долго в целках не протянет. Она жаждет отдать свою пизду первому встречному парню, который сделает ее влажной.

Или мужчине, отец.

Я была очень готова. Его хуй был тверд. Я была мокра. Все, что ему нужно было сделать, это толкнуться в меня, и я лишусь девственности. Я почувствую, как мой первый хуй трахает меня. Хуй моего отца! Я сгорала от предвкушения кровосмесительного наслаждения. Для моего отца было бы самым греховным поступком, верхом лицемерия выебать меня прямо в церкви.

Проповедник ебёт свою дочь!

Но он не вонзил в меня свой хуй. Он упал передо мной на колени. Я была смущена, когда его голова наклонилась вперед между моих бедер. Что он делал? Он наклонял своё лицо к моей киске. Зачем ему это делать? Что такое…

— Господи, помилуй, — простонала я, когда отец лизнул мою киску. — О, да, о, пааа…

Я зажала рот, чтобы не закричать "Папа". Не "отец", а "папа". Это звучало бы еще более порочно. Но я не могла дать ему понять, что с ним была я, когда импульсы удовольствия окатили мою киску.

Его язык лизнул мои складочки. Он застонал, наслаждаясь вкусом моей пизденки. Ему это нравилось. Во всех моих разговорах шепотом с более доступными девочками в школе я никогда не слышала об этом. О мальчике или мужчине, лижущем девичью киску. "Опускающимся" на нее.

http://tl.rulate.ru/book/2020/56099